

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 73–82.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 1 (78). P. 73–82.

Научная статья

УДК 93

doi: 10.54398/1818510X_2024_1_73

**РИТУАЛ: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ
И ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ**

Кольцов Петр Михайлович¹, Умгаев Семён Александрович², Надбитов Мингиян Валерьевич³

¹⁻³Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

¹petrkoltsov52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9776-3650>

²sam_umg@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-0778-1607>

³nadbitov.91@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0000-6613-9580>

Аннотация. Статья посвящена анализу современного понимания феномена ритуала и конструирования ритуальных практик в современном мире на примере российского и регионального пространства. Современный мир вызвал трансформацию традиционной культуры, заставил её приспосабливаться к новым условиям. В качестве материалов в работе привлекаются данные историографии, современных отечественных и зарубежных исследователей, а также данные сетевых источников. Для исследования нами использованы методы этнологии и социальной антропологии. В статье анализируются кейсы возрождения калмыцкого тенгрианства, политической акции «Бессмертный полк», георгиевской ленты, «ленточной» политики. В результате проведённого исследования, авторы приходят к выводу, что ритуал в современном обществе продолжает выполнять ключевые интегрирующие, коммуникативные и символические функции, а значит, остаётся актуальным. Соответственно, религиозное и политическое конструирование затрагивает в том числе и ритуальные практики. Существенными особенностями современных религиозных и политических ритуальных практик являются: во-первых, изменение положения, которое ритуал занимал в обществе, или изменение формы его проведения; во-вторых, ритуалы сознательно конструируются с помощью социальных и политических технологий, в-третьих, ритуалы индивидуализируются.

Ключевые слова: ритуалы, конструирование ритуалов, ритуальные практики, трансформация ритуала, обряды, традиции, миф, символические цели, стереотипичность, регламентированность

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-28-10065, «Современная структура этнической, религиозной и гражданской идентичности калмыков в ритуальных и коммеморативных практиках», <https://rscf.ru/23-28-10065/>.

Для цитирования: Кольцов П. М., Умгаев С. А., Надбитов М. В. Ритуал: современное понимание и подходы к конструированию // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 73–82. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_73.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

RIITUAL: MODERN UNDERSTANDING AND APPROACHES TO DESIGN

Petr M. Koltsov¹, Semyon A. Umgaev², Mingiyan V. Nadbitov³

¹⁻³B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia

¹petrkoltsov52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9776-3650>

²sam_umg@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-0778-1607>

³nadbitov.91@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0000-6613-9580>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern understanding of the phenomenon of ritual and the construction of ritual practices in the modern world using the example of Russian and regional space. The modern world has caused a transformation of traditional culture and forced

it to adapt to new conditions. However, even today the ritual continues to perform key integrative, communicative and symbolic functions, which means it remains relevant. The materials used are data from historiography, modern domestic and foreign researchers, as well as data from online sources. For our research, we used the methods of ethnology and social anthropology. The article analyzes cases of the revival of Kalmyk Tengrism, the political action "Immoral Regiment", the St. George's Ribbon, and the "ribbon" policy. Results. Ritual in modern society continues to perform key integrating, communicative and symbolic functions, which means it remains relevant. Accordingly, religious and political construction also affects ritual practices. The essential features of modern religious and political ritual practices are: firstly, a change in the position that ritual occupied in society or a change in the form of its implementation; secondly, rituals are consciously constructed with the help of social and political technologies, thirdly, rituals are individualized.

Keywords: rituals, construction of rituals, ritual practices, transformation of ritual, rituals, traditions, myth, symbolic goals, stereotyping, regulation

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation No. 23-28-10065 "The modern structure of ethnic, religious and civic identity of the Kalmyks in ritual and commemorative practices", <https://rscf.ru/23-28-10065/>.

For citation: Koltsov P. M., Umgaev S. A., Nadbitov M. V. Ritual: modern understanding and approaches to design. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 1 (78), pp. 73–82. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_73.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В современном мире ритуалы не утратили своей значимости, они трансформировались сообразно с развитием общества. По-прежнему этнические и социальные группы характеризуются ритуалами как на уровне больших сообществ, так и на уровне маленьких неформальных групп. Современные люди, и как индивиды, и как сообщества, и как человечество в целом, преследуют символические цели, а их поведение в большей степени подчинено культурным парадигмам, нежели утилитарной рациональности. Потребность в аутентичной культуре и в подлинной традиции, адаптированной под современные реалии, привела к различного рода неотрадиционалистским явлениям в современном обществе, расцвету неоэтники, усложнению этнического самосознания, увеличению многообразия этнических и социальных идентичностей и т. д. Совокупность этих факторов сделала актуальными вопросы не только трансформации ритуалов, но и их конструирования, создания ритуальных практик.

Ритуал – это особый культурный сценарий, выражающийся в повторении стереотипических действий. В своей сути ритуал является выражением общественной ценности (мы совершаем ритуалы, потому что они ценны, и одновременно ритуальным действием указываем на то, что ценно для нас) и носителем символических смыслов. Так или иначе, любое исследование традиционной культуры затрагивает ритуальные практики, т. к. именно ритуал является проводником традиции. Считается, что ритуал обладает «символическим и экзистенциальным значением» для общества [28, с. 53].

Ритуал – это в первую очередь символическое действие, отсылающее нас к символической картине мира, в которой заключены представления об общественной иерархии, морали и даже устройстве мира. Обряды, повседневные и бытовые ритуалы, а также нормы этикета – всё это, так или иначе, относится к ритуальным практикам. В широком смысле, все культурно обусловленные действия являются ритуальными, они повторяются вновь и вновь по уже существующим в культуре лекалам.

Статья основана на изучении основной историографии вопроса о феномене ритуала. В первую очередь анализировались работы этнологов и социальных антропологов, в которых рассматривались социальные и культурные функции ритуала, сущность феномена ритуала.

Фундаментальное понимание ритуала разработано в работах таких выдающихся этнологов и антропологов, как Е. Дюркгейм, В. Тернер, С. Белл, Е. Гоффман [3; 26; 1; 4]. Связь ритуала и мифологического нарратива отметил М. Эллиаде [29; 30]. Из отечественных исследователей, уделявших пристальное внимание самому феномену ритуала, можно выделить А. К. Байбурина [9, с. 23–42]. Он рассмотрел феномен ритуала с точки зрения структурной семантики. Косвенно касался ритуалов Д. К. Зеленин [20]. О современных ритуалах рассуждал в работе публицистического характера Д. М. Угринович [27]. Анализу социальной и культурной роли ритуала, его функционированию в традиционном и современном мире посвящена работа К. С. Сарингуляна [24].

Конструированию и трансформации ритуалов в современном обществе посвящены исследования западных авторов Д. Гордона-Ленокса и Д. Крейната [5; 7, р. 267–282]. Спорт как большой ритуал современного мира рассмотрела С. Бирелл [2].

В статье поднимается вопрос о конструировании современных и неотрадиционных ритуалов в Республике Калмыкия. Проблематикой традиционных калмыцких ритуалов и обрядов, так или иначе, занималось большинство калмыцких этнографов, среди которых можно выделить современные работы Э. П. Бакаевой, Т. Г. Басанговой, Ю. Ю. Эрендженовой [11; 12; 31].

Целью исследования является рассмотрение современного понимания феномена ритуала и конструирования ритуальных практик в современном мире на примере российского и регионального пространства.

Для анализа современных неорелигиозных, политических и корпоративных ритуалов и их конструирования использовались теоретические положения, кейсы и материалы из статей Е. А. Дагаевой, Д. И. Гигаури, М. В. Бекарюкова, Ю. А. Хамриной, Т. Скворцовой [16, с. 99–103; 15, с. 91–98; 13, с. 255–258; 28; 25, с. 64–67]. Кроме того, в статье использовались сетевые источники.

Основная часть

Определяющими свойствами ритуала являются повторяемость, символичность, целевая замкнутость на себе (цель ритуального действия – само действие), стереотипичность и регламентированность.

Ритуал связан с идентичностью, с принадлежностью к какой-либо этнической или социальной группе. Каждая группа конструирует свою собственную символическую реальность на основе отличных от других ритуалов. Ритуал в действиях выражает идентичность группы, позволяет людям телесно и действенно побывать в символическом пространстве. Ритуал сопутствует группе, этнической или социальной, формируется и существует внутри неё и для неё. Он позволяет создавать и транслировать символические, духовные ценности и смыслы, что делает ритуальные практики объектом конструирования в политических, корпоративных, религиозных сферах. Невозможно представить символическую политику, политику памяти, продвинутую корпоративную политику, неорелигиозные и неотрадиционалистские практики без сконструированных или трансформированных ритуалов.

Современный мир характеризуется рациональностью, свойственной научному мировоззрению, но от ритуальных действий как части человеческой психики и культуры невозможно отказаться. Символическое поведение характерно для человека в большей степени, нежели рациональное, а формирование, управление, регулирование символической системы происходит с помощью ритуальных практик [26].

Вероятно, впервые большое внимание на роль ритуала в жизни общества обратил Дюркгейм. Изучая первобытные религиозные практики австралийских аборигенов, он отметил важную интеграционную роль, которую играют религиозные ритуалы. Внешне бессмысленные, они связывают членов группы воедино [18].

Ритуалы являются обязательной частью религии, они образуют её культ, совокупность сакральных действий. У австралийских племён, которые проживали большую часть времени отдельными семьями или локальными группами из-за нехватки ресурсов, существовала потребность в интегрирующих практиках. Собираясь для особых ритуалов корробори в специальных местах, племя погружалось в пространство символического единения [3, р. 218].

В таком объяснении иррациональное действие обретает смысл и ценность для социума. Однако интегративная функция является не единственной, свойственной феномену ритуала. Существуют определённая номенклатура функций и ролей, которые ритуал играет в жизни общества.

Вслед за Дюркгеймом принято выделять интегрирующую, социализирующую, воспроизводящую и психологическую функции ритуала. Он объединяет этнические и социальные группы, играет важную роль в приобщении членов группы к традиции, воспроизводит эту традицию, а также управляет психоэмоциональным состоянием людей, помогает им справляться с трудностями [16, с. 99–103].

Существуют другие номенклатуры функций. К примеру, выделяют дистанцирующие и аппроксимирующие функции. Дистанцирующие функции сводятся к тому, что они устанавливают дистанции и барьеры в виде иерархии, правил, запретов, табу, которые в итоге отдаляют членов общества друг от друга. Аппроксимирующие функции заключаются в снятии этих барьеров, в уменьшении дистанции, в социальной интеграции, выработке чувства групповой солидарности, единения, сплочения и т. д.

В традиционной культуре ключевые календарные обряды и обряды жизненного цикла выполняют свой определённый набор функций, к примеру, крестины – это обряд инициации нового члена общины, «акт приёма новорождённого в общину» [20, с. 323].

Функционалистические объяснения обладают утилитарностью, удобной при конструировании современных ритуалов. Этот подход используется в современном HR-менеджменте, когда корпоративные ритуалы, вроде пения гимна компании, корпоративных праздников, определённого дресс-кода и т. д., используются для достижения корпоративных целей за счёт закрепления за работниками чувства корпоративной идентичности [25, с. 64–67].

Помимо большой социальной роли, ритуал определяет и нашу повседневную жизнь, которая во многом состоит из повседневных ритуалов, повторяющихся действий. Ритуальными действиями мы выражаем наше отношение к символической ценности объектов. К примеру, приветствие – самый распространённый повседневный ритуал, он различается в зависимости от того, какой символической ценностью для нас обладает объект приветствия [4]. Динамично меняющиеся социальные роли в современном мире определили и многообразие форм повседневных ритуалов.

В обыденно-психологической интерпретации ритуал является некой потребностью людей в «торжественно-радостные и торжественно-печальные моменты своей жизни собираться вместе и в чём-то проявлять владеющие ими чувства... Вот тут-то и нужны закреплённые, твёрдые обряды, определённые русла, в которые бы могла свободно и легко устремиться владеющая человеком скорбь или радость» [27, с. 38].

В то же время нельзя объяснить ритуал только как нечто, существующее только с целью, выполняющее функцию, играющее роль. Отличительной особенностью ритуального пространства является то обстоятельство, что цель ритуального действия содержится в нём самом. Эта особенность связана с логикой проведения ритуала, «поскольку код его предопределён, и привнесённая цель его изменить уже не может» [14, с. 421].

Повторяемость ритуала напоминает движение календарных циклов, смену дней, ночей, сезонов, лет. Цикличность природы определяет цикличность социальной и индивидуальной жизни и отражается в стереотипическом опыте ритуала. Человеческие коллективы подчиняются сменяющемуся движению, новые и старые поколения объединяет традиция как связь прошлого, настоящего и будущего. Задача ритуала – не только консервировать предыдущий успешный опыт человеческой жизни, но дать коллективу и индивиду стабильность и уверенность в завтрашнем дне [21, с. 10–17].

Цикличность в современном мире свойственна спорту: проводятся регулярные чемпионаты, летние и зимние олимпийские игры, другие соревнования. Сами спортсмены строят свою жизнь вокруг тренировочных циклов и сезонов, повторяемых их года в год. В таких условиях само спортивное действие, и как соревнование спортсменов, и как огромный спектакль, зрелище, превращается в большой современный ритуал, занимающий важное место в устройстве современного общества. Фигура спортсмена утверждает через спортивный поединок множество важных для общества

символических смыслов, к примеру, примеры хороших и плохих качеств, которыми должен обладать современный человек: готовность к состязанию, смелость, честность и т. д. Спорт – это идеальный мир, в котором возможно по-настоящему честное состязание, метафора современного мира [2].

Если отойти от строгой функциональности ритуала, то можно представить его как текст, т. е. систему символов. Символическая текстуальность ритуала поддаётся семиотическому рассмотрению и изучению, она образует определённую структуру. Ритуал обладает своей грамматикой, синтаксисом, своей особенной логикой. Пространство ритуального текста, символическое пространство, не пересекается с пространством бытовым, реальным, профанным [10].

Каждый ритуальный текст является цельным и повествует всегда о моменте создания мира. Созданный единожды мир всегда совершенен, и в своей совершенной форме он запечатлён в ритуале. Этот совершенный ритуал является «центральным» в системе обрядов данного общества, из него происходят все остальные обряды [9, с. 23–42].

Структура обрядов такова, что все они являются как бы «цитатами» из основного ритуала, частями единого целого. К примеру, традиционные знаки уважения, выражения почтения, вновь и вновь обновляющие и подчёркивающие возрастную иерархию ведут своё начало из основного ритуала. В символическом смысле центральный ритуал устанавливает некий язык, на котором и происходит дальнейшая символическая коммуникация. Всё это происходит в символической реальности, которая «как бы высвечивает те стороны вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их суть и назначение» [10, с. 17].

Если ритуал – символическое действие, то миф – это символический нарратив. Ритуал и миф являются частями единого культурного коллажа, они объясняют и дополняют друг друга. Ритуал позволяет телесно и деятельно погрузиться в ту реальность, которая иносказательно раскрывается в мифологическом нарративе [29].

Современный ритуал ни в коем случае не является «бедным родственником» в сравнении с «благородными» традиционными ритуалами [5, с. 11]. Однако традиционный ритуал отличает большая история, он является частью апробированной историей богатого символического мира, связан с мифологией, общественной жизнью, культурой [1]. Тем не менее в силу динамичности современного мира существует необходимость в конструировании ритуальных пространств. Стремительно создающиеся и распадающиеся группы всё же стремятся к обладанию символизмом, а потому конструируют или реконструируют ритуалы.

Если говорить о трансформации уже существующих ритуалов, то существует динамика или закономерность в адаптации ритуальных действий к условиям современного мира. Тут есть два пути. В первом случае изменяются определённые черты ритуала, последовательность действий, однако неизменной остаётся его роль в жизнедеятельности общества и в системе культуры. Во втором случае изменения ритуального действия сопровождаются изменением самой сути ритуала, который теперь выполняет иные функции или имеет несколько иное место в системе ценностей данного общества [7, р. 267–282].

В части конструирования ритуалов необходимо отметить, что его свойство наполнять жизнь особым смыслом, создавать различие между сакральным и профанным, высоким и низким, необходимо и в современном обществе. Подобными свойствами обладают игры и творчество, но в широком смысле и игра, и творчество – это «цитаты» из ритуала, часть или продолжение ритуального действия. Игры и творчество могут наполнять ритуал своей действенностью, но самостоятельно, вне символической реальности, они теряют свой смысл, неспособны заполнить образовавшийся в современном мире дефицит символического смысла. Всё это создаёт основу для конструирования ритуалов и ритуальных практик, для осознанного создания символических пространств. Необходимо, чтобы создаваемые ритуалы отвечали ряду требований. Ритуал должен быть аутентичным, т. е. подлинным по отношению к участникам и наблюдателям, аффективным, т. е. быть проводником настоящих эмоций и чувств, а также он должен обладать внутренней согласованностью,

даже системностью. При этих условиях возможно создание устойчивого современного ритуала [5, с. 70–86].

Создание ритуала всегда сопровождается созданием символического пространства в целом. Как и любое другое пространство, символическая реальность должна содержать в себе представления о времени, пространстве, языке. Время – это начало и завершённость, космогония, момент создания и закрепление. Пространство – это иерархия и границы, различие между хорошим и плохим, отражённое в структуре мира. Язык – это способы выражения смысла, символы, знаки и действия [13, с. 255–258].

В неотрадиционных практиках вопрос всегда заходит о культовой части новой религии. Так, калмыцкие тенгрианцы конструируют ритуал не в виде действия, а в виде нарратива, что является, вероятно, одним из первых, начальных этапов конструирования современных ритуалов. К примеру, представитель одного из неотрадиционалистских движений в Калмыкии в интервью приводит нарративы о ритуалах загонной охоты и праздничных боёв (вопрос об исторической достоверности в данном случае не важен). Из них он выводит важные для него символические качества калмыцкого народа в целом и отдельной личности в частности [23].

Таким образом, современное ритуальное конструирование сопровождается «рационализацией» ритуального действия в противовес таинственно-мистическому или самоценному характеру (т. е. не нуждающихся в объяснении) традиционных ритуалов. Вообще традиционные религиозные ритуалы не нуждаются в действительно рациональных объяснениях (однако могут ими обладать). К примеру, традиционный для калмыцких буддистов обряд «мацг» сопровождается напевами молитв в народной калмыцкой мелодике [11]. Переходящий из поколения в поколение обряд не нуждается в строгой рационализации, т. к. его символическая ценность закреплена в обществе, апробирована историей.

Интересным примером сохранившегося в современном мире традиционного ритуала является магический обряд «отрезания чёрного языка». Он имеет такое объяснение (через магию подобий): чёрная верёвка – это проклятье (проклинаящий язык), белая верёвка – это лесь (льстивый язык, также опасный) [31; 12]. Отрезать язык – пресечь злой умысел в свою сторону, защититься от зла. Участники магического действия не ощущают нужды в масштабных рационализаторских конструктах, наоборот, мистический и таинственный характер обряда придаёт ему символическую силу.

В современном мире широко применяется политическое конструирование. Ритуал тут также выступает как элемент символической политики, наряду с визуальными символами и знаками [15, с. 91–98]. К примеру, ключевым ритуалом современной России выступает праздник 9 Мая, День Победы. Соответственно, основное ритуальное конструирование символического ряда происходит вокруг этой даты. Примером таких созданных с определённой рефлексивной целью ритуалов является акция «Бессмертный полк». Акция проводится «для увековечивания памяти участников и жертв Великой Отечественной войны» [8]. Шествие людей с портретами героических предков в руках является мощным символическим, интеграционным, патриотическим действием.

Другим примером конструирования ритуального пространства (не обязательно ритуала целиком, но его части), является использование георгиевской ленты в качестве официальной символики праздника. Символизм георгиевской ленты также обладает очевидным объяснением – она призвана связать между собой различные этапы истории России, объединить их в единую память о военном прошлом и великих победах. Георгиевский крест был солдатской «народной» наградой времён Российской империи, Первой мировой и других войн того этапа, в советское время чёрно-оранжевое сочетание цветов также использовалось в ордене Славы. Таким образом, георгиевская лента как бы сшивает воедино две противоречивые эпохи, объединяет население современной России [17]. Интересно, что «ленточная» политика проводится активно в региональном масштабе, к примеру, в Республике Калмыкия реализовывались различные ленточные акции, в том числе и лента-триколор [22].

Выводы

Особенностью конструирования новых ритуалов является то обстоятельство, что они создаются на основе уже известных «ритуальных технологий». И форма проведения, и символический ряд этих ритуалов уже известны широкой публике. К примеру, акция Бессмертный полк основывается на широкой практике маршей и шествий, существующих в истории человечества. Однако для российского культурного кода она напоминает традиционный элемент православной религии – крестный ход. Столь разительно сходство новой практики с пусть и пропавшим, но оставившим твёрдую память в народе и культуре ритуалом, указывает на прямую преемственность движения смыслов. И действительно, в ходе акции «Бессмертный полк» сам крест, хоругви и иконы заменяются на портреты предков. Последнее обстоятельство – почитание героических предков – отсылает нас также к извечному символизму культа предков. В силу вышеперечисленных обстоятельств неудивительно, что эта патриотическая акция нашла столь широкий отклик в сердцах граждан России.

Можно выделить следующие особенности конструирования политических ритуалов: рефлексивная суть ритуала, который осознаёт сам себя; опора на уже существующие формы и смыслы; объединительный характер ритуала, примиряющего общество и историю; активная роль государственной политики памяти в создании и масштабировании ритуальной практики.

Последней тенденцией, которую имеет смысл рассмотреть, является индивидуализация ритуала в современном пространстве. В рамках изучения социальными науками интерес представляет распространение индивидуальных ритуалов и распространение самой культуры индивидуальных ритуалов. Их значение для конкретного человека является предметом изучения других наук. Интересной особенностью современных индивидуальных ритуалов является то, что они воспринимаются как обоснованные и необходимые, т. е. на индивидуальном уровне присутствует момент их рационализации и объяснения [19, с. 105].

Феномен ритуала является одним из столбов человеческого социума, его функционирование невозможно без ритуальных действий, создающих и подчёркивающих, воспроизводящих важную дихотомию между сакральным и профанным, символическим и обыденным, возвышенным и обычным.

Конструирование ритуалов происходит в самых разных разделах жизни современного общества. Особенно это заметно в политической, корпоративной, спортивной, неотрадиционной и неорелигиозной сферах.

Список литературы

1. Акция «Бессмертный полк». История и организаторы. – URL: <https://tass.ru/info/6412958> (дата обращения: 18.10.2023).
2. Байбурин, А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры / А. К. Байбурин // Этнознаковые функции культуры. – Москва : Наука, 1991. – С. 23–42.
3. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно семантический анализ восточно-славянских ритуалов / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 223 с.
4. Бакаева, Э. П. К этническим характеристикам калмыцкого буддизма: обряд «мацг» / Э. П. Бакаева // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1–2 (65). – С. 120–123.
5. Басангова, Т. Г. Жанр проклятий у калмыков и обрядники «Отрезание чёрного языка» / Т. Г. Басангова // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1 (9). – С. 253–260.
6. Бекарюков, М. В. Конструирование эзотерической реальности: базовые элементы и их специфика / М. В. Бекарюков // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 255–258.
7. Буркердт, В. Homo Necans. Жертвоприношения в древнегреческом ритуале и мифе / В. Буркердт // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 405–478.
8. Гигаури, Д. И. Политический миф и ритуал как социокультурные основания символической политики / Д. И. Гигаури // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 91–98.
9. Дагаева, Е. А. Ритуал как способ развития и поддержания корпоративной идентичности вузовского сообщества / Е. А. Дагаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2009. – № 2 (14). – С. 99–103.

10. Дым и пламя: как георгиевская ленточка стала символом Победы. – URL: <https://www.5-tv.ru/tabloid/428553/dym-iplama-kak-georgievskaa-lentocka-stala-simvolom-pobedy/> (дата обращения: 18.10.2023).
11. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – Москва : Элементарные формы, 2018. – 808 с.
12. Ершова, Г. Г. Ритуал как способ организации жизнедеятельности коллектива / Г. Г. Ершова // Мир психологии. 2003. – № 1. – С. 103–110.
13. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – Москва : Наука, 1991. – 511 с.
14. Карнацкая, Л. А. Ритуал как ускоренность бытия / Л. А. Карнацкая, В. Ф. Петренко // Мир психологии. – 2003. – № 1. – С. 10–17.
15. Ленты в цветах российского триколора раздавали в Элисте и в других районах республики. – URL: <https://riakalm.ru/news/news/24301-lenty-v-tsvetakh-rossijskogo-trikolora-razdayut-v-eliste-i-v-drugikh-rajonakh-respubliki> (дата обращения: 18.10.2023).
16. О калмыцком воспитании. Калмыкия-тур. – URL: <https://www.kalmykiatour.com/o-kalmyckom-vospitanii/> (дата обращения: 18.10.2023).
17. Сарингулян, К. С. Культура и регуляция деятельности / К. С. Сарингулян. – Ереван : Академия наук Армянской ССР, 1986. – 258 с.
18. Скворцова, Т. О корпоративной идентичности / Т. Скворцова, И. Стернин // Управление компаний. – 2007. – № 2. – С. 64–67.
19. Тернер, В. Символ и ритуал / В. Тернер. – Москва : Наука, 1983. – 273 с.
20. Угринович, Д. М. Обряды. За и против / Д. М. Угринович. – Москва : Политиздат, 1975. – 175 с.
21. Хамрина, Ю. А. Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе / Ю. А. Хамрина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 347. – С. 53–56.
22. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – Санкт-Петербург : Алетея, 1998. – 258 с.
23. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – Москва : ACADEMIA, 1995. – 106 с.
24. Эрндженова, Ю. Ю. Обряд отрезания «чёрного языка» и буддийский защитный ритуал (противоречия этических оснований) / Ю. Ю. Эрндженова // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 777–787. – doi: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787.
25. Bell, C. Ritual Theory, Ritual Practice / C. Bell. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 288 p.
26. Birrel, S. Sport as Ritual: interpretations from Durkheim to Goffman / S. Birrel // *Social Forces*. – 1981. – Vol. 60, iss. 2. – P. 354–376.
27. Durkheim, E. The Elementary Forms of Religious Life / E. Durkheim. – New York : Free Press, 1995. – 218 p.
28. Goffman, E. Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior / E. Goffman. – New York : Pantheon Books, 1982. – 282 p.
29. Gordon-Lennox, J. Emerging Rituals in Secular Societies / J. Gordon-Lennox. – London : Jessica Kingsley Publ., 2017. – 260 p.
30. Gordon-Lennox, J. The rhyme and reason of ritualmaking / J. Gordon-Lennox // *Emerging Rituals in Secular Societies*. – London : JKP, 2017. – P. 70–86.
31. Kreinath, J. Teoretical Afterthoughts / J. Kreinath // *The dynamics of changing rituals: the transformation of religious rituals within their social and cultural context* / ed. by J. Kreinath, C. Hartung, A. Deschner. – New York : Peter Lang Inc, 2004. – P. 267–282.

References

1. Aktsiya “Bessmertnyy polk”. *Istoriya i organizatory*. [Action “Immortal Regiment”. History and organizers]. Available at: <https://tass.ru/info/6412958> (accessed: 18.10.2023).
2. Bayburin, A. K. Ritual v sisteme znakovykh sredstv kultury [Ritual in the system of symbolic means of culture]. *Etnoznakovyye funktsii kultury* [Ethno-sign functions of culture]. Moscow: Nauka; 1991, pp. 23–42.
3. Bayburin, A. K. *Ritual v traditsionnoy kulture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochno-slavyanskikh ritualov* [Ritual in traditional culture. Structural semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka; 1993, 223 p.
4. Bakayeva, E. P. K etnicheskim kharakteristikam kalmytskogo buddizma: obryad “matsg” [On the ethnic characteristics of Kalmyk Buddhism: the “matsg” ritual]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus]. 2011, no. 1–2 (65), pp. 120–123.

5. Basangova, T. G. Zhanr proklyatiy u kalmykov i obryadniki "Otrezaniye chernogo yazyka" [Genre of curses among the Kalmyks and ritualists "Cutting off the black tongue"]. *Novyye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva]. 2011, no. 1 (9), pp. 253–260.
6. Bekaryukov, M. V. Konstruirovaniye ezotericheskoy realnosti: bazovyye elementy i ikh kharakteristiki [Construction of esoteric reality: basic elements and their specificity]. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2011, no. 4 (29), pp. 255–258.
7. Burkhardt, V. Khomo Nekans. Zhertvoprinosheniya v drevnegrecheskom rituale i mife [Homo Necans. Sacrifice in ancient Greek ritual and myth]. *Zhertvoprinosheniya: ritual v kulture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney* [Sacrifice: ritual in culture and art from antiquity to the present day]. Moscow: Yazyki russkoy kulture; 2000, pp. 405–478.
8. Gigauri, D. I. Politicheskii mif i ritual kak sotsiokulturnyye osnovaniya simvolicheskoy politiki [Political myth and ritual as sociocultural foundations of symbolic politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. International relationships]. 2015, no. 3, pp. 91–98.
9. Dagayeva, Ye. A. Ritual kak sposob razvitiya i podderzhaniya korporativnoy identichnosti vuzovskogo soobshchestva [Ritual as a way to develop and maintain the corporate identity of the university community]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya "Sotsialnyye nauki"* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series "Social Sciences"]. 2009, no. 2 (14), pp. 99–103.
10. *Dym i plama: kak georgiyevskaya lentochka stala simbolom Pobedy* [Smoke and flame: how the St. George's ribbon became a symbol of Victory]. Available at: <https://www.5-tv.ru/tabloid/428553/dym-i-plama-kak-georgiyevskaya-lentochka-stala-simbolom-pobedy/> (accessed: 18.10.2023).
11. Dyurkgeym, E. *Elementarnyye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. Moscow: Elementarnyye formy; 2018, 808 p.
12. Yershova, G. G. Ritual kak sposob organizatsii zhiznedeyatel'nosti kollektiva [Ritual as a way of organizing the life of a team]. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. 2003, no. 1, pp. 103–110.
13. Zelenin, D. K. *Vostochnoslavianskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka; 1991, 511 p.
14. Karnatskaya, L. A., Petrenko, V. F. Ritual kak uskoreniye bytiya [Ritual as the acceleration of being]. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. 2003, no. 1, pp. 10–17.
15. *Lenty v tsvetakh rossiyskogo trikolora razdayutsya v Eliste i drugikh regionakh respubliki* [Ribbons in the colors of the Russian tricolor were distributed in Elista and other regions of the republic]. Available at: <https://riakalm.ru/news/news/24301-lenty-v-tsvetakh-rossijskogo-trikolora-razdayut-v-eliste-i-v-drugikh-rajonakh-respubliki> (accessed: 18.10.2023).
16. *O kalmytskom vospitanii* [About Kalmyk education]. Available at: <https://www.kalmykiatour.com/o-kalmytskom-vospitanii/> (accessed: 18.10.2023).
17. Saringulan, K. S. *Kultura i regulyatsiya deyatelnosti* [Culture and regulation of activities]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1986, 258 p.
18. Skvortsova, T., Sternin, I. O korporativnoy identichnosti [About corporate identity]. *Upravleniye kompanii* [Company Management]. 2007, no. 2, pp. 64–67.
19. Terner, V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka; 1983, 273 p.
20. Ugrinovich, D. M. *Obryady. Za i protiv* [Rituals. Pros and cons]. Moscow: Politizdat; 1975, 175 p.
21. Khamrina, Yu. A. Sposoby i puti transformatsii ritualov v sovremennom obshchestve [Methods and ways of transforming rituals in modern society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2011, no. 347, pp. 53–56.
22. Eliade, M. *Mif o vechnom vozvrashchenii* [The myth of the eternal return]. St. Petersburg: Aleteyya; 1998, 258 p.
23. Eliade, M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Moscow: Akademiya; 1995, 106 p.
24. Erendzenova, Yu. Yu. Obryad otrezaniya "chernogo yazyka" i buddiyskiy territoriy (protivorechiya etikh osnovaniy) [The ritual of cutting off the "black tongue" and the Buddhist protective ritual (contradictions of ethical grounds)]. *Oriental Studies*. 2022, vol. 15, no. 4, pp. 777–787, doi: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-777-787.
25. Bell, C. *Ritual Theory, Ritual Practice*. Oxford: Oxford University Press; 1992, 288 p.
26. Birrel, S. Sport as Ritual: interpretations from Durkheim to Goffman. *Social Forces*. 1981, vol. 60, iss. 2, pp. 354–376.
27. Durkheim, E. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York: Free Press; 1995, 218 p.
28. Goffman, E. *Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior*. New York: Pantheon Books; 1982, 282 p.

29. Gordon-Lennox, J. *Emerging Rituals in Secular Societies*. London: Jessica Kingsley Publ.; 2017, 260 p.

30. Gordon-Lennox, J. The rhyme and reason of ritualmaking. *Emerging Rituals in Secular Societies*. London: JKP; 2017, pp. 70-86

31. Kreinath, J. Teoretical Afterthoughts. *The dynamics of changing rituals: the transformation of religious rituals within their social and cultural context*. New York: Peter Lang Inc; 2004, pp. 267–282.

Информация об авторах

Кольцов П. М. – доктор исторических наук, профессор;

Умгаев С. А. – старший преподаватель;

Надбитов М. В. – старший преподаватель.

Information about the authors

Koltsov P. M. – Doctor of Historical Sciences, Professor;

Umgaev S. A. – Senior Lecturer;

Nadbitov M. V. – Senior Lecturer.

Вклад авторов

Кольцов П. М. – научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста, сведение всех данных, итоговые выводы;

Умгаев С. А. – разработка концепции исследования, работа в архиве, сбор и обработка материалов, доработка текста, итоговые выводы;

Надбитов М. В. – работа в архиве, сбор и обработка материалов, поиск опубликованных источников, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Koltsov P. M. – scientific leadership, development of the research concept, justification of the purpose of the article, writing the source text, consolidation of all data, final conclusions;

Umgaev S. A. – development of the research concept, work in the archive, collection and processing of materials, revision of the text, final conclusions;

Nadbitov M. V. – work in the archive, collection and processing of materials, search for published sources, revision of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.